

М. Найт Шьямалан — режиссер неоднозначный, и его работы вызывают, наверное, больше споров и разных мнений (часто полярных), чем чьи бы то ни было. Успех его триллера «Шестое чувство» превзошел все самые смелые ожидания и поднял режиссера на необычайную для новичка высоту. Хотя до этого были «Яростная молитва», снятая им в студенческие годы, и замечательная духовная и душевная картина «Пробуждение», вышедшая на экраны через три года после создания и почему-то оставшаяся совершенно неоцененной и незамеченной, несмотря на то, что стоила внимания, вне всяких сомнений.

Вслед за «Шестым чувством», принесшим Шьямалану несколько номинаций на «Оскар» и репутацию потенциально кассового постановщика, вышел «Неуязвимый» с тем же Брюсом Уиллисом в главной роли, который должен был бы стать приманкой для широкого зрителя и принести успех картине, но тем не менее фильм при всех его несомненных достоинствах в Штатах едва оправдал затраты на производство и маркетинг, хотя мировой прокат помог избежать полного провала.

Через два года режиссер выпустил еще один весьма ожидаемый фильм — «Знаки», — реакция на который была весьма неоднозначной, впрочем, это уже никого не удивляло. Однако лента собрала положенную выручку, и Шьямалан по-прежнему остался в фаворе у студийных боссов, получая деньги на проекты и продолжая работать у себя в Пенсильвании.

Его часто называют голливудским аутсайдером, что, однако, не мешает ему с завидной регулярностью снимать студийные картины, и новый проект из трех фильмов, «Повелитель стихий», — тому подтверждение.

Я встретила режиссера на съемочной площадке предполагаемого летнего блокбастера о юном Аватаре, находясь в Филадельфии с группой иностранных журналистов, которых студия **Paramount** любезно пригласила для обзорного визита, но запретила говорить о фильме практически до дня его выхода.

Расскажи немного о сцене, которую ты только что снимал. Что тебя не устраивало, почему переснимал ее несколько раз?

— Этот персонаж (Машет рукой неопределенно в сторону площадки, где мы видим нескольких актеров — Прим. авт.) — голубой дух. Зритель видит его впервые именно в этой сцене. То есть это его самое первое появление в фильме. Мне хотелось показать его таким образом, чтобы зритель не смог сразу понять, кто перед ним: человек, животное или что-то еще. Поэтому у нас ушло какое-то время на взаимопонимание с

актером, на определение кадра, позицию его в нем — обычные вещи. В течение нескольких дублей стал ясен рисунок его движения, его пластика, и последние три, наверное, были самыми лучшими, один из них войдет в окончательный вариант. Я думаю, что мы достигли желаемого эффекта (Шьямалан мягко улыбается невероятно яркой, белозубой улыбкой, которая выглядит, пожалуй, ярче, чем на самом деле, из-за полумрака, в котором мы все находимся, и контраста с его очень смуглым красивым лицом — Прим. авт.).

— Фильм включает в себя столько разных элементов. В чем заключался твой подход к материалу?

— Для меня это взаимосвязь всех элементов, работающих самым лучшим образом на поставленную задачу, их баланс. Основа фильма, его философия заключается в ценности семьи, как основы культуры любого народа. У нас культура, которую представляет герой, как таковая уже не существует, он — последний и единственный ее представитель. По сути, каждый поворот событий в фильме так или иначе связан с семьей и традициями, он о людях, осознающих в процессе важность и необходимость семьи, и о тех, кто противостоит этому, полагая, что они не нуждаются в такой нагрузке. Философия, как видите, простая, но вопрос в том, как это воплотить в таком грандиозном масштабе, в каком задумывался фильм. Обычно в своих фильмах я мыслю сразу конкретной, очень интенсивной эмоционально и физически сценой, которая длится, может быть, пять минут, но стоит всех пятидесяти. Здесь же всё происходит куда сложнее. Это всё ново для меня и ужасно утомительно. Я не снимал таких фильмов. Приходится учиться в процессе, но именно это меня и прельстило в первую очередь.

— Это ведь первый фильм, который ты снимаешь не по своему сценарию...

— Да-да.

— Мы слышали, что твоя дочь посоветовала тебе обратиться к этой теме. А как это было на самом деле?

— Мне всегда хотелось рассказать какую-то большую историю, эпическую даже, чтобы действие разворачивалось медленно, но целенаправленно, распределяясь по нескольким фильмам. Однако я не мог позволить себе писать всё это, тратить несколько лет на сценарий, а потом на фильм. Так что я надеялся найти сценарий, готовый к работе. Я искал такой материал какое-то время. Те варианты, что мне предлагались или были мной самим найдены, не воодушевляли. Мне хотелось найти нечто такое, куда я смог бы вложить мои собственные чувства, что-то, что могло вызвать ощущение естественной внутренней связи с материалом. Иначе просто не имеет смысла с этим связываться. И когда этот проект появился у меня на столе, я сразу почувствовал,

что могу вложить в него мою философию, мое видение мира. Материал включал в себя буддистско-индуистскую философию. Собственно, слово «аватара» из санскрита, означающее проявление божественной силы на земле, все составные элементы истории: боевые искусства, семья, культура — всё это ощущалось как правильный выбор, поэтому я и взялся за эту работу.

— Но этот проект — словно поворот на 180 градусов от того, что ты делал прежде. Тебя не беспокоит то, как к этому отнесется зритель?

— Перемены всегда хороши. Если в баскетболе ты всегда движешься направо, защитник соперника знает это, стараясь нейтрализовать тебя, то ты в итоге идешь налево, чтобы его обмануть, правильно? А потом через какое-то время ты поменяешь свою тактику и опять пойдешь направо. В переменах всегда есть радость и удовлетворение. Я привык снимать триллеры, и мое сознание работает в этом направлении как бы по привычке. Если я снимаю триллер, я знаю точно, что и как нужно сделать, мой мозг привык решать проблемы в этом направлении. А проект другого жанра заставляет мое сознание работать в другом направлении. То есть тренировать другие мышцы, если опять сравнивать со спортом. Я думаю, это позволяет мне расти профессионально.

— Как это чувствуется — тренировка других «мышц»?

— Замечательно. Мы работаем над этим фильмом уже полтора года, и всё, что должно быть на экране, планируется задолго до собственно съемок, учитывается огромное количество деталей, это исключительно сложная и интересная работа. Мы заканчиваем съемки через две недели и планируем заниматься спецэффектами, монтажом и прочими необходимыми вещами еще год до выхода фильма.

— Будет много спецэффектов?

— Даже не знаю, как сказать. Я бы хотел минимум спецэффектов и CGI настолько, насколько вообще это возможно, и тем не менее все равно их должно быть очень много. Особенно для меня. Это «не моя чашка чая» — компьютерное изображение не соответствует моим эстетическим принципам. Когда я снимаю, я должен видеть то, что в кадре, и это должно быть в определенном освещении. Это невозможно сделать, зная, что многое будет добавлено после съемок. Когда я смотрю в объектив и не вижу реальной картинки, какой она мне представляется, всё, что я чувствую в этот момент, — это боль. Много сил уходит на то, чтобы избавиться от этой боли и фиксировать все будущие доработки. Для меня это, конечно, очень непривычно. Очень мало из того, что мы снимаем, я могу установить так, как мне хочется, чтобы это выглядело на экране, но далеко не всё возможно сделать сейчас, в процессе. Например, левой части моста, который вы видите сейчас, просто нет: она будет добавлена позже компьютерной графикой. Так же как и часть храма, который виден с этой точки. Всё это новый вид

искусства для меня. Поначалу мне это было ужасно неудобно, но постепенно я учусь видеть кадр таким, каким он будет выглядеть потом, а не в тот момент, когда я это снимаю.

— Ты планируешь снимать подряд все три фильма?

— Я думаю, что нет. Я надеюсь делать что-то в промежутках между фильмами.

— Всё, что ты делаешь в этом фильме, выглядит довольно необычно, даже актерский состав: несколько более или менее знакомых лиц, но в основном ты занял неизвестных актеров. Было ли это так задумано?

— Да, это была наша цель. Поскольку наши герои очень уникальны, в чем-то даже символичны, мы хотели привлечь актеров, чья внешность в этой форме будет ассоциироваться с героями истории.

— Сколько ребятишек ты просмотрел в поисках Аанга? Какого героя ты искал, какими качествами должен был обладать тот самый идеальный претендент на роль?

— О, тысячи, тысячи... Ноа (Рингер) оказался тем самым мальчишкой, который был нам нужен. Это было сразу видно. Оказалось, что есть такой парень, который бреет голову только потому, что ему это нравится. Который занимается боевыми искусствами с раннего возраста, обучается всем наукам дома, а не в школе. Очень скромный и естественный во всем, живет, практически как монах. Просто совершенный по всем параметрам кандидат. И он оказался внешне очень похож на того Аанга, которого все видели в мультфильме. Он оказался удачной находкой.

— Если говорить о франчайзах, ты использовал какой-то опыт самых успешных из них? Властелина колец,

например, или Гарри Поттера?

— Разумеется, мы надеемся, что наш фильм будет оригинальным, займет свое собственное место в ряду известных киносagas. Очень важно иметь такую захватывающую основную линию, чтобы все приключения и препятствия на пути нашего героя выглядели естественными и вызвали ответную сочувственную реакцию зрителя. Если герой станет любим зрителем, то у него есть шанс на дальнейшую жизнь. Что мне особенно нравится в нашем фильме, так это шекспировская предыстория принца Зуко, героя Дева (Патель), и всей его семьи. Она только начинает развиваться в первом фильме, а во втором получит свое полное развитие. Это потрясающая предыстория действительно шекспировского размаха и глубины.

— Боевые искусства становятся основой многих фильмов. Как ты планируешь

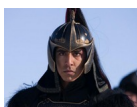
показать их по-новому, может быть, демонстрируя их более короткими кадрами, в чем заключается твой подход к этому?

— У меня в офисе есть статуэтка Брюса Ли, я один из тех парней, который влюблен в боевые искусства, изучал их, это в традициях моей семьи. Я всегда хотел сделать фильм с боевыми искусствами. Когда я смотрел «Матрицу», я был просто в восторге от того, как боевые искусства были включены в фантастический фильм, который, казалось бы, совсем этого не предполагает. В нашем фильме основное отличие заключается в том, что главный герой не является действующим борцом, он не использует боевые искусства для боя, он использует это для манипуляций с формами, с элементами окружающей среды: водой, огнем и так далее... И когда все сделано правильно, то это выглядит скорее как танец, а не борьба, это является совершенным воплощением эмоционального

состояния, указывает на степень фокусирования героя. Я снимаю очень длинные дубли, концентрируя внимание на том, как люди [каскадеры] разбрасываются в разные стороны силой тех элементов, которые Аанг вызывает своим «танцем». И все это отнимает огромное количество времени. Если учесть то, что с нами работает 12-летний актер, у которого свои привилегии на площадке, определенное количество времени на работу и перерывы, и то, что надо собрать всех каскадеров, которых он швыряет во все стороны, это сложно, тяжело. Вот сегодня утром, например, кто-то посоветовал снимать все это мини-камерами и короткими фрагментами, и я просто взорвался! Я был настолько уставшим, что не контролировал свои эмоции. «Да, мы можем снимать мини-камерами и сделать короткий монтаж, но это кто угодно сможет! В этом нет никакой индивидуальности! Ведь мы пытаемся показать, что этот мальчишка в центре всего, речь идет об его концентрации в этот момент и его возможности сфокусироваться, а тут мы со своими короткими дублями путаемся под ногами!» Я выдал им целую речь о том, что входит в наши основные задачи. Я помню, какое удовольствие получил от работы в «Неуязвимом», когда делал все сцены борьбы. Сцена в спальне, где герой Брюса (Уиллиса) душил парня, была сделана с высоты, но начата снизу, и это выглядело так, словно женщина, которую он пытается спасти, уже мертва, и ее душа смотрит на него сверху. То есть, это та эстетика, которую я предпочитаю использовать, когда в сцене борьбы есть и другой смысл, кроме самой борьбы.

— В последнее время появилась тенденция делать большие фильмы, основываясь не на драматургическом материале, как в прежние годы, а на видеоиграх, комиксах, мультфильмах, как в твоём случае. Как ты находишь такой подход к материалу, который позволит сделать тебе сложный и многоплановый фильм? Ведь ты не снимаешь кино только для целевой аудитории, скажем, подростков от 10 до 18 лет.

— (Отрицательно качает головой, подтверждая последнее предположение)

спрашивающего.) Тут главное — понять, на чем основывается источник. Вся мифология мультфильма, по которому мы снимаем, основывается на буддистской и индуистской философии. Аанг делает всё то, что делает и далай-лама, он был выбран для такой роли, как далай-лама, всё это основано на тех самых традициях. Тот факт, что основа картины мультфильм, может смутить неосведомленного зрителя. Основа этого мультфильма — классика во многих проявлениях. Путешествия героя с препятствиями и жертвами к главной цели — восстановлению справедливости. Все ключевые моменты истории, которую придумали Майкл Димартино и Брайан Кониецко, основаны на их любви и знании восточной философии, боевых искусств, религии. Для меня отправной точкой всегда было отношение героя или героев к семье. То есть мой собственный подход к материалу учитывал и это. Снимая тот или иной эпизод, я всегда исхожу из того, какое отношение у героев на каждый данный момент к основе основ: семье, их месту в ней или по отношению к ней. Я надеюсь, что именно такой подход даст возможность зрителю почувствовать собственную связь с героями фильма.

— Как много времени ушло на то, чтобы написать сценарий? Десяток черновых вариантов?

— Хороший вопрос. Нет, не так много. Я создал структуру сценария, целиком опираясь на мультфильм, на первые 20 серий. Первый вариант краткого содержания, схемы включал в себя ленту где-то приблизительно на пять часов. И я исходил из этого, сокращая и выбирая основные моменты. Обычно я мучаю себя значительно дольше, работая над сценариями для своих фильмов, Майк (Димартино) и Брайан (Кониецко) включили в их проект огромное количество аллегорий, метафор, так что я могу поблагодарить их за значительное облегчение моей работы.

— Каким образом ты планируешь показать сцены схваток, будет ли это так же, как в «Доме летающих кинжалов», например, или выйдет что-то более реалистичное?

— Нет, мы не использовали полеты на страховке, как это сделано в упомянутом тобой фильме, где актеры совершают замедленные, плавные и фиксированные движения в воздухе, которые делаются при помощи лонжи. Если Аанг и поднимается над землей, то только потому, что он умеет летать, а это будет CGI-эффект, вне всяких сомнений. Мы старались обойти необходимость работы с лонжей, потому что это всегда выглядит немножко неестественно. Если я вижу такую работу в фильме, я всегда чувствую лонжу, на которой актер работает. Это совсем другая эстетика и другая работа. CGI-эффект даст то же самое впечатление полета, но с другим ощущением его величия.

— Дэнни Бойл упомянул в одном интервью, что в искусстве наступает эра влияния Азии,

и в твоём фильме особенно заметно такое влияние. Как ты смотришь на это?

— Очень интересный вопрос и сложный, в двух словах не ответить. Я не могу сказать,

что мы находимся на переломе времен в искусстве, но если нужно определить точный момент, когда сделать «храмовый» франчайз — блокбастер, основанный на популярной психологии и культуре Азии, то лучшего времени, чем сейчас, не найти.

— Не мог бы ты немного порассуждать на тему своего творчества в целом, о работах последних лет, которые получили, возможно, не ту реакцию, которую ты ожидал?

— (Хохочет.) Я в последнее время получаю весьма неоднозначную реакцию на свои работы, в какой-то степени это стало ожидаемым. Если бы вы пошли моей дорогой, вы тоже были бы озадачены реакцией на всё, что делаете. Кто-то говорит, что ваши работы — абсолютная чушь, в то же время другие замечают: «Нет, это нечто потрясающее». Третьи уверяют: «Да это же шедевр!» Вы не знаете, кому верить. И в какой-то момент, когда вы получаете около сотни разных мнений и точек зрения на свое творчество, вы перестаете беспокоиться о том, нравитесь ли вы кому-то или нет, вы привыкаете к этой разноголосице. Единственное, что вам остается, это только быть верным своему пути. Я не ищу оправданий, я люблю все свои фильмы и могу только надеяться на то, что кто-то разделяет мои чувства после их просмотра. Я не стремлюсь понравиться всем. Я уверен, что будут и разгромные ревью на этот фильм. Конечно, если бы этого не случилось, я был бы рад, но вряд ли так будет. Я принял решение делать эти фильмы два с половиной года назад и не могу оставить проект из-за уязвленного самолюбия, я могу только продолжать начатое с тем же чувством собственного достоинства, честно. Мне думается, что всё стремится к центру, к точке, где находится истина, и моя обязанность заключается в том, чтобы противостоять мнениям и просто делать свое дело.

— Ты сделал все свои фильмы в Пенсильвании и впервые вывез группу на натурные съемки в Гренландию. Что побудило тебя к этому, почему ты предпочитаешь этот штат всем остальным?

— Я действительно стараюсь работать только в Пенсильвании, в моем родном штате, где мой дом и моя семья. И я безмерно рад, что мне удалось привести сюда фильм такого масштаба, как «Повелитель стихий», что благоприятно отразилось на экономике штата, на занятости наших местных компаний кинематографистов и многих других. Я думаю, что это самый большой фильм, вообще когда-либо снимавшийся на восточном побережье. Ведь у нас есть очень много действительно талантливых художников, редко занятых в больших голливудских проектах. Гренландия стала для нас потрясающим экспериментом, рискован, но волнующим необыкновенно. Мы провели там две недели в жутком холоде, не занятое на съемках время коротая в гостинице, так как ни у кого не было желания отморозить что бы то ни было. Мы построили площадку на леднике, которая сейчас уже наверняка исчезла совершенно — ледник меняет свои очертания. Но видеть энтузиазм актеров, выходящих на работу в таких условиях, было просто удивительно и вдохновляюще, мы все хотели провести этот эксперимент, проверить

себя на выносливость. Съемки в Гренландии стали незабываемыми для всех нас.

— Значит, теперь ты чаще будешь вывозить свои фильмы на натурные съемки?

— Да, пожалуй, мои дети подросли, можно начать путешествовать. (Смеется.)

На площадке неожиданно затихли все шумы, и ассистент режиссера, молча стоявшая в стороне и бросающая взгляды на часы последние десять минут почти ежесекундно, шепотом сказала что-то Шьямалану, он кивнул и сказал всем нам, что ему пора — площадка готова к съемке.

Впечатление от разговора с таким интересным и красивым человеком осталось очень приятное. Сразу захотелось, чтобы фильм был удачным. Найт Шьямалан определенно энтузиаст своего дела, работу свою любит и отдает ей все силы. На площадке работают многие члены его семьи — это часть его философии, надо полагать. Кто, кроме семьи, обеспечит тыл и поддержку в сложном процессе создания фильма и не менее сложном периоде его выхода на большой экран, когда каждый считает своим долгом показать собственный профессионализм и абсолютное знание кинематографического дела?